

Аркадий Малашенко

на отлете

лета

СТИХИ

В новый поэтический сборник Аркадия Малашенко вошли стихотворения на разные темы, написанные в основном в последние годы (разделы «Память» и «Тысяча строк о любви»), а также поэма «Тысяча девятьсот сорок первый». Книга как бы подытоживает поэтические раздумья на отлете лета человеческой жизни, в пору зрелости.

I
память

МОЯ РОДОСЛОВНАЯ

Имя мое — Человек,
Отчество мое — Отечество.
А фамилию ищите
На мраморных плитах братских могил.
У могил, как у коммунальных квартир,
Переписаны постояльцы.
И в решающий час легко поменять адреса:
Жесть — на мрамор, жизнь — на жесть.
И только жизнь на жизнь
Никогда нельзя поменять.

Тяжело тебе сейчас, мой стих.
Не строчки, а желваки перекатываются по бумаге.
Как танки по изрытой войной земле,
Как слезы по небритым щекам солдата.
Так пусть тебе будет еще тяжелей!
Все равно не тяжелее, чем родственникам моим
Под мрамором вечной славы.
Слава павшим?
К чему им слава?
Они б ее променяли
На маленький глоточек неба,
На секунду щемящей боли,
Которой болит мое сердце,
Когда я пишу о них.
Они б ее променяли!
И не спорьте! —
Люди они, как и мы.
Сменили так же, как отчий дом — на окопы,
Как невесту — на винтовку,
Как жизнь — на смерть.
Потому что, выпив глоточек неба
И ощутив, как болит сердце,
Они бы все повторили сначала.

Тебе тяжело, мой стих.
Не герольд ты, чтоб петь мою родословную,
Да и без тебя война отчеканила герб моей семьи:
Обелиск над могилою братской!
Севастополь... Смертью храбрых,

Харьков... Смертью храбрых,
Прага... Смертью храбрых!
Вот они, адреса,
По которым разыскал я родственников!
Ах, как шутишь ты, адресное бюро.
Что значит «означенный не значит»?
Значится!
И под Севастополем.
Значится!
И под Харьковом!
Значится!
И под Прагой!
Навеки они прописаны
В сотнях братских могил.
В памяти Родины — значатся!
В крике ребенка — значатся!
В сединах матери — значатся!
И в сердце моем — значатся!
Иначе не болело б оно!
Что я сам по себе? Пустяк.
Даже грипп со мной не желает считаться.
Сам — как есть —
Я бы смог и солгать и смолчать...
Смог, если бы не носил фамилии вашей.

— Родственники есть?
— Да, и за рубежом!
Приглядитесь — вечный огонь
Возжгли над моею фамилией.
Как Антей от земли — от нее набираюсь сил
И мужество павших вливается в жилы.
Потому не солгу, не смолчу...
Имя? Я уже говорил — Человек!
Отчество мое? — Отечество.
И самая обыкновенная на земле
Фамилия.

1970 г.

ПОБРАТИМСТВО

Отец мой прошел пол-Европы,
Три года ранений не знал.
И только у самых Родопов
Споткнулся об острый металл.
В солдатских науках толковый —
Язык он не слишком зубрил.
Одно лишь болгарское слово
До дома довез — другари.

Но так говорил его чисто,
Болгарское слово —
другарь,
Что этого самого смысла
Хватило б на целый словарь!
Но старые раны коварны,
Они не щадят никого.
Осколок, что впился под Варной,
Убил в Кишиневе его.

Прощальный салют у могилы —
И вечная тишина...
С подушечек отвинтили
Медали и ордена.
Как стало темно и пустынно!
Лишь будто бы в память о нем
В кустах полыхнула рябина
Прерывистым Вечным огнем.
Собрался оркестр к отъезду
И воздух от залпов остыл,
И холм со звездой железной
Солдатское сердце закрыл.

И как ни разубеждали —
Но сердце мне так говорит:
Отец мой, отлитый в металле,
Над солнечной Варной стоит.

И с братской любовью несметно
Несут от зари до зари
Живые цветы к постаменту
Родные его другари.

Ну что тут поделаешь, что же?
Приходит прозрения миг —
И вдруг узнаем мы в Алеше
Отцов незабвенных своих.
К нему прихожу я проститься,
Навеки поняв, до конца
Великую суть побратимства,
Скрепленного кровью отца.

МАМИНО ТАНГО

Ах, как скрипки его осторожно вели,
Танго,
Но ворвались в него и втоптали в траву
Танки.
И упали ничком, захлебнувшись свинцом
Кавалеры —
Два Никиты, комвзводы, лихие бойцы
Кавалерии.
А пластинка крутилась быстрее земли
Вдвое,
Отомстив за комвзводов, под танки легли
Взводы.
И кричал в медсанбате, порвав на груди
Марлю,
Тот, кто вел тебя — шаг,
а потом — два вперед,
Мама.
Но другие за них в рукопашном бою,
В атаке
Отместили за павших и за твое
Танго!

Так не надо,
Не плачь же, что молодость
Пролетела,
Что пластинку твою в сорок первом году
Зае...зае...зае...зае...зае...
Зае...

II

ТЫСЯЧА СТРОК О ЛЮБВИ

ЗИМНЯЯ ГРУСТЬ В ПОДМОСКОВЬЕ

Заговори со мной, страна лесная,
Твои владенья, словно города.
Скажи мне,
можно ль жить, всю жизнь прощая,
Не будучи прощенным никогда?

Я звал. Я сдался.
Мне не отвечают.
Не хватит, видно, всех горячих слов,
Чтоб растопить холодное молчанье
Твоих седых серебряных лесов.

К стопам твоим я робко припадаю,
Ты покажи, где были мы вдвоем...
Заговори со мной, страна лесная,
Так одиноко здесь,
Как в городе моем...

Молчишь?
Тогда паду на камень серый.
Сольюсь с твоей холодной душой.
И ели,
Словно сестры милосердья,
Всплакнут,
В халатах белых, надо мной...

ЗИМА

А в Елино белые ели
Мне тихую верность хранят.
И женщина в мятой постели
Не спит, вспоминая меня.

В рассветные сумерки пегие
Нацепит шапчонку, как бант,
И лыжами пишет по снегу
Нехитрый житейский диктант.

А юноша, стройный и смелый,
За нею упрямо спешит,
Прекрасным играет он телом
И в белые дали манит,

Где ели молчком, как старушки,
Считают ушедшие дни,
Где сходятся на опушке
Две чьих-то горячих лыжни.

Ах, мальчик красивый и смелый,
Не знаешь ты, мчась наугад,
Что в Елино белые ели
Мне тихую верность хранят.

В ЛЕСУ

Снег. Тропинка. Мороз.
Белокрылых сугробов гнездовья.
Никого. Ничего.
Ни людей. Ни зверей.
Ни души.
Мы с тобой через ложь,
Через пурги людского злословья,
Через тьму клеветы
В этот лес на свиданье пришли.
Больше тысячи дней
Добирались на это свиданье...
Люди, что же вы, смилуйтесь,—
Мы не лучше, не хуже других.
Пожелайте нам счастья —
Вы всегда нам желали страданья,
Хоть не знали за что,
За какие такие грехи.

Что ж, смириться пора,
Ведь мы люди с тобой, а не боги.
Будь горда. Слезы спрячь,
Чтоб напрасно судьбу не гневить.
Снег. Тропинка. Мороз.
И идут в безоглядность дороги.
В белый снег. В никуда.
Две гонимые наши любви.

НА ЛЫЖНЕ

Тучи — в танце, леса — в хороводе...
Наяву это все иль во сне?
Мы с тобой — словно птицы в полете
На умчавшейся вдаль лыжне.

Все пронзительно, выпукло, броско.
Ты ли это? И я — иль не я?
Обгоняют нас дерзко березки
Словно наши с тобой сыновья.

Эту явь, как мечту, приемлю.
Мы летим сквозь иней дым.
То ли небо сошло на землю,
То ли мы в облаках парим.

Но внезапно случилось что-то
Среди весей лесных и полей.
Стали легче лыжни разлеты,
А дыханье твое — тяжелей.

Разве можно устать от полета?
Крылья складывать погоди!
Посмотри, мы у края восхода
И лыжня,
словно жизнь,
впереди.

СВЕТЛОСТЬ

Как светлы, как светлы вы, березы,-
Голубиная стая впотьмах,
В глухоте этой, злой от мороза,
Вы — как будто сама доброта.

Светлость ваша метели пронзает,
Светлость ваша — как слезы, чиста.
Постою — и сползает, сползает
С сердца едкая темнота.

Обнаженны, прекрасны, ранимы
С чисто русской живою душой.
Я приду к вам, березы, с любимой —
С нею вы равны красотой.

Пусть замрет она, жалобно ахнет
От бессилия что-то сказать,
А потом защебечет, как птаха,—
Я уйду, чтобы им не мешать.

До свиданья, березы, мне лучше,
Вы простите, но в этой глуши
Я возьму вашей светлости лучик,
Только лучик один — для души.

РАВНОВЕСИЕ

Равны мы всем: злым лихолетьем
И мигом счастья в горьких травах,
Незащищенностью от сплетен,
Презреньем к золоту и славе.

Равны мы всем: бессонной мукой,
Тоской и радостью хмельною.
Лишь боль от будущей разлуки '
Меня возносит над тобою.

СЕРДЦУ

Нет, сердце не было мое в почете,
Познав и боль, и страсть, и маяту.
Оно летело в яростном полете,
Как звезды — догорая на лету.

И я молю, как милости наивысшей,
За все, на что обрек, за боль и кровь —
Пусть станет для него последней вспышкой
Вот эта наша трудная любовь.

ПОЛЕТ

Что, не верите, люди?
Ведь крылья во мне прорастают!
Больно это, смертельно,
Но скоро я в небо взлечу.
Пусть навесят замки, пусть кричат,
Пусть паденьем пугают,
Все. Решился — шагаю,
К тебе я, любимая, мчусь.

Как в полете душа —
Что душа — да и сердце запело!
Подпевали мне звезды —
Вселенский космический хор.
В пыльном доме осталось
Мое сиротливое тело
Да десяток томов
Ненаписанных скучных стихов.

Почему ж я узнал
Эту боль, это счастье так поздно?
Почему я не понял
Законченных истин простых?
Что ж я в землю глядел,
Почему не летал я, а ползал,
Хоть кричала ты мне,
Горьким стоном звала с высоты?

Как смешны с облаков
Суесловья людские и гадки,
Как страшны они там, на земле,
Где телами живем.

Только в небе я понял —
Нам нет на планете посадки,
Но разбиться вдвоем —
Значит, вечно остаться вдвоем.

Не пугайте меня
Пересудами и судами,
Если я полюбил —
Мне не ведом ни стыд и ни страх.
Я лечу на любовь,

Обреченно махая крылами,
Как летит мотылек
На смертельное пламя костра.

ЛЮБИМОЙ

А ты незряче, ты незряче
Войди в растерянный вагон,
И пусть заплачет, пусть заплачет
Весенней моросью перрон.

Возьми любовь ее в ладони,
Когда, морозная со сна,
Ударит в колокол латунный
В прощальный колокол луна.

Посоучаствуй ей, участие,
За тягостный ее удел
И понеси ее по счастью,
Как я не смог и не хотел.

Посоучаствуй ей, участие,
Что шла дорогою одной,
Отвергнув все на свете счастья,
Чтоб быть несчастною со мной.

Возьми любовь ее в ладони,
Когда, морозная со сна,
Ударит в колокол латунный,
В прощальный колокол луна.

А сердце так тревожно бьется —
Ведь расстаюсь, ведь расстаюсь...
И если ты не обернешься,
Я хладным камнем обернусь.

А ты незряче, ты незряче
Уходишь, лишь себя виня.
И знаю — будь хоть чуть иначе,
Ты не любила бы меня.

МОЛЧАНИЕ

Мне нечего тебе сказать,
Да и молчать уже нет мочи.
Пусть догорит огарок ночи
В твоих растерянных глазах.

Мне нечего тебе сказать,
Своей нечаянной мольбою,
Своей отчаянной любовью
Ты заслужила, чтоб не лгать.

Прости, что выпали допрежь
На сердце снега. За молчанье,
За ожидание прощанья
Без обещаний. Без надежд.

НА ОТЛЕТЕ ЛЕТА

Оставь свое смешное колдовство,
У ног твоих все серенады спеты.
Что делать, если на отлете лета
Пронзительней мне видятся предметы
И душ людских земное естество?

Оставь свое смешное колдовство.
Меня не трогает твой гордый лик орлиный,
Ни стан твой гибкий, будто бы змеинный,
Ни губ твоих изломанных малина,
Ни диких глаз хмельное торжество.

Взвалив нас плечи дум своих суму,
Уйду с зарей за песней недопетой
К лесам пустым, как голые сюжеты...
Оставь меня. И на отлете лета
Дай мне зимы дожждаться одному.

* * *

Когда я замерзал в айонской тундре
И вертолет не мог меня найти,
Когда песцы вокруг меня сидели,
Повизгивая в превкушеньи пира,—
Тогда меня нашли ее глаза,
Ее любовь согрела и спасла.

Я слышу чей-то голос: боже мой!
Слова какие, будто бы в романсе!
Но что поделать, если было так:
Меня нашли в снегах ее глаза,
Любовь ее согрела и спасла,
Когда я замерзал в айонской тундре
И вертолет не мог меня найти.

ПРИТЯЖЕНИЕ

А тишина, а тишина
Опять тобой заряжена!
Опять тобой, опять тобой,
Твоей стремительной судьбой.
Твоим неистовым упрямством
И святостью,

и святотатством.

Твоей решительной поспешностью,
Твоею безоглядной грешностью.
А я ношусь как с торбой писаной.
Со страхом перед ненаписанным.
Но уже выстраданным,
Выстраданным,
Хотя пока еще

не выстреленным!

А тишина, а тишина
Одной тобой заряжена!
Заряжена твоим гореньем
Или моим многотерпением.
Как ясности твоей отточенной
Сойтись с моими многоточиями?
Твоей душевной обнаженности
С моей извечной напряженностью?

Два разных пояса мы,
Два разных пояса.
Два разных полюса мы,
Два разных полюса.

И притяжение неистовое.
Не дай бог искорки,
Не дай бог искорки...

* * *

Прости за то,
Что любишь ты меня.
Трудна любовь твоя,
 порою безотраднa,
Порой оглядиста, но все же безоглядна.
Как луч сквозь тучи на закате дня.

Прости меня, прости
За то, что не порву
Вот эту нить,
Что не приметна в дымке зыбкой.
Ну как, скажи,
Ну как назвать ошибкой
Вот это все, чем я сейчас живу?

Ошибка — ты? И эти вот глаза?
И эта ночь, звенящая в зените?
И этот страх, что кто-нибудь увидит?
И все слова, что я тебе сказал?

И эта боль, обжегшая слезой?..
Ошибка все?
И сдаться кривотолкам?..
Тогда все — вдребезги!
Любовь — в осколки!
И ты уйди по ним.
Уйди босой...

В ФЕВРАЛЕ

Февраль висит на краешке окна.
Дрожит сосулькой — и вот-вот сорвется.
И сразу же весною обернется,
А мне она
 зачем нужна,
 весна?

Зачем она?
Но ты заметишь вдруг,
Что затокуют под рукою строки,
Что девочки вокруг так длинноноги,
Так волооки девочки вокруг.

И побежать бы в парк, стряхнувший снег,
Навстречу вечной песне журавлиной,
Но седина, как будто паутина,
Запеленала руки-ноги мне.

Зачем в надежде подхожу к окну,
Зачем стрижами в стекла бьются мысли...
Больное сердце с осени повисло
Замком
 на дверь,
 ведущую в Весну.

ЛЕТНЕЕ

Ах, какие травы по лугам!
Ах, какие песни по губам!
Лишь в высоком небе, где черно,
Тихо месяц плещет, как челнок.

Ах, какие песни по лугам,
Ты меня, родная, поругай.
К лунной стежке, что шумит волной
Приковали меня цепью золотой.

Приковали меня цепью до зари,
Докричись сюда, родная, дозовись.
А не то те песни на беду
В лугоморье слепо уведут.

В лугоморье, луголесье, лебеду
Забреду я, зачарован, забреду,
Затоскую тихо у воды...
Ты меня скорее уведи.

Коль не поздно,, среди алых рос
Я березой тоненькой пророс.
И звенит, тревожная со сна
Белым, белым звоном седина.

ПРОЩАЙ...

Ты слышишь, прости,
Что покоя не знаешь,
Что белые ветры трубят,
Прости и за то, что меня ты прощаешь
А я не прощаю себя.

За слезы прости
И за снега среди мая.
За чувства, которые спят.
За то, что меня ты всегда понимаешь,
А я не умею себя.

Прости, что судьба тебе выпала злая,
Что рада ты этой судьбе,
Прости и за то,
Что мне счастья желаешь —
А я не желаю себе.

Прости, наконец,
Что прощать не умею,
Непрочное счастье губя,
Прости же за то,
Что меня ты жалеешь —
А я не жалею себя.

Прости за тоску.
За мои прегрешенья.
За твой неудавшийся май.

Ты слышишь, прости,
Что за эти прощенья
Одним отвечаю:
— Прощай.

ЖЕНЩИНА У ЗЕРКАЛА

Как в негативе — мутно плечи...
Все ближе мертвое стекло.
И бровь ударила навстречу,
Как черной молнии крыло.

Волос — усталые метели,
Ресниц — безмолвная гроза.
И будто поезд из туннеля —
Вдруг

брызнут

в зеркало

глаза.

И столько в них щемящей муки!
И сосны стынут в декабре...
Глаза в глаза... На плечи руки —
Вернуть на миг и умереть.

Она глядит, как тускло стынет
В стекле ее слепая боль,
Боясь узнать в крутой морщине
Свою последнюю любовь.

ЖЕНЫ ХУДОЖНИКОВ

Жены художников... Я узнаю вас,
Бродя по прохладным залам
Выставок и галерей.
Узнаю не около картин,
А на холстах
По характерной осанке,
По складке кожи на шее,
По мягкой линии рук.
Вы бессмертны.
И меня не обманывают надписи
Под холстами:
«Диана», «Пастушка», «Нимфа».
Никакая это не Диана и не пастушка —
Это ты — жена художника!
Полностью ты,
От родинки возле левого соска
До трогательного шрамика над коленом.

Знатоки, Осматривая вас,
(Чуть не сказал: как на выставке!)
От кончиков ног до ресниц,
Говорят о гамме света,
Об игре красок.
И только время от времени
Какой-нибудь юноша,

Не искушенный в искусстве,
Тихо ахнет,
Ослепленный красотой вашего тела,
Не замечая гаммы красок.
Самые несчастные,
А может, самые счастливые на земле...
Больше натурщицы,
Чем жены.
Разве не разрывалось от обиды сердце,
Когда на ваше волшебное тело
Он чаще смотрел, как художник,
А не как муж?
Вы были больше матерями,
Чем женами,
Когда, измученный вином
И неудачами,
Он придет,
Положит голову вам на колени.
Ну совсем как ребенок,
У которого сломалась игрушка.
А у иного сломалась не игрушка,
Сломалась жизнь.
И вы гладите волосы
Вашего седеющего ребенка
И стонете от невозможности
Спрятать его от боли,
От мира всего
У себя на груди.
Наверное, по картинам
Можно проследить вашу жизнь:
Вот девочка
С беспомощными ключицами,
Угловатая, как жеребенок.
В ней женщина
Все еще дремлет,
Томится силой своей.
А затем эта женщина
Проснулась.
И линии глаже, томительней,
Настолько глаже, томительней,
Что кружится голова.
А вот и заката вестники —
Первые ласточки морщинок...
О, время, время,
Как подло

Расправилось ты с красотой!
И все же тебе не подвластна
Дерзкая кисть художника,
Который в веках сохраняет
Юность подруги своей!

Великие жены художников,
Вы вечные их соавторы.
Я вновь назову вас великими,
Потому что быть женой художника
Такое же великое искусство,
Как и писать холсты.
Искусство — это страдание,
А вы настрадались вдоволь.
Искусство — это счастье,
А вы познали его.
А то, что вы были больше матерями,
Чем женами,
Больше натурщицами,
Чем женами,
Няньками и сиделками —
Не важно!
Пусть вас утешает одно:
Что время от времени
Какой-нибудь юноша,
Не искушенный в искусстве,
Тихо ахнет,
Ослепленный вашей красотой.
Вы представляете,
Этот юноша будет приходить к вам
Тысячи лет!

* * *

Пусть упадут осенние дожди,
Ветра зарыщут в разных направленьях,
Ты телеграммы от меня дождись
И выезжай ко мне без промедленья.

Мой адрес тот же. Он знаком уже
По письмам — бесполезным оправданиям.
Живу я в том же самом шалаше
На станции с названьем «Ожидание».

Жизнь не меняет свой привычный бег,
Скупая на догадки и пророчества,
И письма не пишу уже тебе
На станцию с названьем «Одиночество».

Ты выезжай, когда дожди падут,
Холодных декабрей предупреждением,
А то снега навеки заметут
Пути-дороги к станции «Прощение».

ПИСЬМО

Благослови меня, любовь,
Чтоб я, отметивший свой полдень,
Пришел к тебе, смиренья полный,
С охапкой смирных, нежных слов.

Останови меня, любовь,
Боюсь, что закипая горько,
Они придут и хлынут горлом
Стихи, тяжелые, как кровь.

Прости, любовь, не дерзок я,
Не актуален, не напорист,
Прости, что мой не слышен голос
В крикливом гаме воронья.

Но как тревога ни остра
Клянусь, не замаравшись ложью,
Что мне сокровищ всех дороже
Вот эта прядка серебра.

Разлетелся, как будто
по синему снегу на лыжах.
И страшны мне становятся
чьи-то соседские страхи,
И чужды мне становятся
чьи-то весенние строки,
Но зато мне близки
этих окон безликие лики
И деревья, что гнутся
по стилому ветру, как луки.
Значит, осень пришла
и навеки со мною осталась.
Значит, сердце устало,
от первых морозов остыло,
Значит, может свалить
меня, слабого, буря любая,
Если ты не придешь,
не прикроешь весенней любовью
Так спеши же ко мне
из весны сквозь любые преграды
А иначе мой след
навсегда заметут снегопады.

* * *

Даже сердце обманет,
Даже память солжет.
Но из дальних туманов
Твой взгляд обожжет.

Развели нас такие
Расстоянья, что жуть.
Ты — моя ностальгия,
Отпусти хоть чуть-чуть.

Ты — моя ностальгия,
Свет в ночи из окна.
Были в жизни другие,
Но осталась одна.

Август звездами брызжет
В лихорадочном сне —
Якоря твоей жизни
Замертвели во мне.

Их не вырвать по-живу,
Их вовек не сравить.
Только можно по жилам
Топорами рубить.

Не начать все сначала,
Не по силам галоп...
Лишь бы память молчала.
Лишь бы сердце лгало.

ПРОСТИ

Благословенна трижды будь
Дорога к морю, по которой
Тебя умчал по трассе скорой
В нелепый, сумасшедший путь.

Благословенна будь, гроза,
Слезинка, что в губах дрожала
И обнаженно отражала
Мои смятенные глаза.

И стыд благословен пребудь,
Когда кометой белолицей
Ты, как подстреленная птица,
Покорно пала мне на грудь.

Благословен будь чей-то суд,
Твои несбывшиеся грезы,
И даже завтрашние слезы
И боль, что я тебе несу.

Благословенна будь та синь
И счастья мизерные крохи,
И эти скомканные строки...
Прости...

ССОРА

Любимую обидел и опять
За это не хочу ее прощать...

Болят во мне несправедливость та...
Ну что случилось с нею и со мной?
Теперь любая наша простота
Становится такою непростой.

Болят твои обиды все больней.
Ты — плоть моя,
ты — голос судный мой.
Моею верой верила в людей
И мучилась моей неправотой.

Как можно, как нам разойтись с тобой.
Как повернуть течение жизни вспять?
Вся боль моя, нечеловечья боль
Прошла осколком рваным сквозь тебя.

Ах, как болят во мне все боли дня,
А надо только просто уяснить:
Отнять тебя — убить во мне меня
И никогда уже не воскресить!

А было что? Весна и старый пруд,
И диких пчел спокойный добрый гул,
И девочка, как белый парашют,
Вдруг расцвела на солнечном лугу.

Так как предать доверчивость, любовь
И песнь венчальную, что пел зеленый лог?..
Болят во мне неправда честных слов,
Которыми вымачивал я ложь.

В который раз ты горе утоли,
В который раз прости и все забудь...
И ты боли во мне, любовь, боли,
И боль твои благословенна будь!

ПРИСТАНЬ

Ты — моя лодка и ты —
Буря, что в мачтах гудит.
Плыть мне к тебе — не доплыть,
Только печаль разбудить.

Ты — моя слабость и ты —
Сила моя — не согнуть.
Сжег за собой я мосты —
Так что не дай утонуть.

Тяжко, вот-вот упаду,
Где же ты, мой огонек?
Дай я к тебе припаду —
Путь мой свиреп и далек.

Я до тебя не дожил,
Я до тебя не взлетел.
Каюсь — тебя не допил,
Каюсь — тебя не допел.

Ветер прохладу струит,
Ну, хоть десяток шагов!..
Вот они, губы твои —
Пристань на веки веков.

МОЙ САД

Прямо под окном
Моей осенней любви
Я посажу свой весенний сад.
Потому что ей рано в осень,
Ей, с капризными бровями
И с глазами, всезнающими,
 как календари.

Пусть горят, пусть падают мосты
Между ноябрем и декабрем,
Пусть в оврагах тихо умирает осень —
Я сжигаю за собой мосты!..
Я плыву в последнюю любовь.

В самом центре сада посажу
Свое сердце.

 Что еще зимой
На земле холодной прорастет?
Пусть оно к рассвету запылает
Небывалым солнечным цветком.
Каждый лепесток — отдельный цвет.
Если алый — значит, цвет любви...
Вот проходят призрачным парадом
Женщины, которых я любил,
Женщины, которых я оставил,
Иль они оставили меня.
Черный цвет. Он алому сродни —
Цвет разлуки, неминуемой боли,
Цвет вокзалов, аэропортов,
Цвет тоски в глазах моей любимой.
Потому — смотри на белый цвет...
Он — цвет весны,
Он, как любовь, безгрешен,
Он цвет романтики — моей богини,
Хоть модно над романтикой смеяться.
Пусть их! Смеются?

 Что мне до убогих?
Цвета, цвета... Их много у цветка,
Как платьев в костюмерной у актера.
Наверное, такое потому,
Что сам актером был я понемногу.
Мной жизнь поставила
Не лучший свой спектакль
И зрители остались недовольны,

И режиссер.
Что делать — я упрям,
Играл не так, как нужно режиссеру.
Ну что ж, за это честно я платил
Больничной койкой или одиночеством
И скучной неприятной сединой.

Цвети, цветок, моя последняя любовь!
Тебя от стуж согрею я дыханьем.
Пусть девочка с капризными бровями,
Я так хочу — пусть не поймет она,
Что вскормлен ты моей осенней болью
Цветок весны в начале декабря.
Цвети лишь для нее, цвети сгорая,
Цвети до моего последнего дыханья,
Все освети, цветок, моей любовью!
И даже ту дорогу, по которой
К ней тот,
 другой,
 из августа придет.

Я все равно сажаю сад весенний...
И пусть в оврагах умирает осень,
Пусть скай седеют скорбные заборы —
Я за собой сжигаю все мосты...

Иначе б это не было любовью.

МОЙ ОСТРОВ

На острове этом бесплодном
Я князем сиятельным жил
Насмешливым, голым, голодным
По собственным пляжам бродил.

За мной, словно воин охраны,
Причудливый месяц скакал,
Как свечи, горели тюльпаны
На мертвенном мраморе скал.

Зарю я растапливал строчками,
Что гасли, себя не прочтя.
Я нежил свое одиночество,
Как нежат больное дитя.

Горите, горите, тюльпаны,
Я знать не хочу ничего,
Пусть плещется месяц румяный
У теплых моих берегов.

Но стало темно и пустынно.
Не смог, как всегда предсказать,
Когда закричат из пучины
Больные, родные глаза.

Мне было здесь тихо и странно
Вдали от недобрых людей...
А ты погасила тюльпаны
Одною слезинкой своей.

НЕЖНОСТЬ

Мне кажется, умру я в декабре.
В буран умру, когда снега, слепя,
В окно твое ударят на заре,
Чтоб черной вестью выбелить тебя.

Пойми меня — отмеряй мой черед,
Но ты живи — вдали твоя гроза,
И твой апрель, любимая, придет,
И зацветут замерзшие глаза.

О, как печаль неистовая жжет,
О, как трудна последняя любовь!
Скажи, ну кто тебя остережет
От сладких истин и от горьких слов?

Я прожил жизнь. Я роздал все долги.
По рощам отшумел златой листвою.
Люби других, ищи меня в других,
Как я тебя искал в тебе одной.

Похорони меня на вышине,
Там, где ветра смиряют свой разбег,
Чтоб мог я видеть даже в вечном сне
Не холодно ль, любимая, тебе?

И если ты в морозной тишине
Озябнешь вдруг, ты бога не моли,
Ты только руки протяни ко мне —
И я отдам тебе тепло земли.

Одно прошу — от гроба дальше встань,
Когда друзья прощанье запоют,
И не целуй в холодные уста,
Чтоб не обжечься о любовь мою.

У ПОДНОЖИЯ КАРАДАГА

Все так же здесь, вроде, все то же.
Но через мелькание дат
Все пристальней смотрит и строже
Мне в душу седой Карадаг.

Прости прегрешенья большие,
Мы оба с тобой старики.
Вползают мне в сердце с вершины,
Морозя виски, ледники.

Прости, что все случилось иначе,
Прости, что, туманом дыша,
Под этим вот солнцем горячим
Моя остывает душа.

Смотри, как, сверкающий бронзой,
Мальчишка бредет наугад,
И звезды, счастливые звезды
В глазах его ярко горят.

И девочка в белой матроске,
Любовью обдав горячо,
Как будто под ветром березка,
Склонилась ему на плечо.

Коварная, слушай, не ты ли
Летела ко мне из полей?
Не ты ли стелилась ковылью
Пред юностью дерзкой моей?

Не ты ли, не ты ли, не ты ли
Таким же серебряным днем
Вот в этой аллее пустынной
Меня обжигала огнем?

Куда же ты, девочка? Стой же!
Ты — песня моя. Оглянись.
В груди моей нежности столько,
Что хватит на всю твою жизнь.

Но мальчик, любовью согретый,
Идет на свиданье с судьбой,

И песню мою недопетую
Навеки уводит с собой.

ЗАЧЕМ, СКАЖИ?..

Как шальна была ночь в Цинтрави!
Море билось, как грива коня...
Ты сказала, что нету любви —
Ты ударила в спину меня.

Целомудренность синих ночей
Предала ты, уйдя навсегда.
Если нету любви, то зачем
Мчаться почте, спешить поездам?

Я сегодня тебя не узнал:
Вместо пламени — пепел и лед.
Нет любви? Тогда что защищал
Мальчик, падая на пулемет?

Значит, сад этот горный — ничей?
Значит, лгут соловьи, что поют?
Если нету любви, то зачем
Обитаемой Землю зовут?

Я ПОВТОРЮСЬ

Повторяемся мы, как мир,
Плача, радуясь, гомоня...
Страшно знать, что настанет миг —
И вообще не будет меня.

Но сказал мне знаток старых книг
(Он в подобных делах мастак):
Повторимся мы в далях иных
И в иных временных пластах.

Так и я прорасту сквозь тьму,
Отшвырнув веков тормоза,
Прорасту сквозь кривду саму
И впервые открою глаза.

Я познаю заново свет,
Первый звук и первую боль.
Я познаю заново снег,
Пенье птиц и морской прибой.

Это я первый раз поднимусь
И увижу— плывут поля.
Это я первый раз удивлюсь,
Как прекрасна моя земля.

Снова первый раз поведут
В горизонты. И скажут: «Держись»!
Снова первый раз предадут,
Чтоб потом предавать всю жизнь.

Первый раз заблужусь в степях,
Первый раз затеряюсь в дали.
Первый раз увижу тебя —
И уткнусь в ладони земли.

Ты прости, обид не тая...
Прошагав сквозь галактик тьму,
Пусть он будет хоть трижды я —
Лишь тебя не отдам ему!

III
Тысяча девятьсот сорок первый
(поэма)

ВСТУПЛЕНИЕ

Ко мне приходит сорок первый год
Таким, каким пришлось его увидеть...
Приходит нищим с рваною сумой,
Военным, забинтованным ремнями.
Мальчонкой слабеньким, сгоравшим на костре
Свирепой малярии.
Инвалидами
С гармошками и скрипками,
И с жалостными песнями навзрыд,
Великими, святыми матерями,
Пожарами!
Пожарами!
Пожарами! —
Извечными румянцами войны.

О битвах вам поведает другой,
А я о горьких беженских дорогах,
О том, что детский глаз запечатлел
И отпечатала навеки память.
О, если б только я сумел собрать
Все пули и осколки, что летели
В меня,
и выковать из них огромный плуг.
Чтобы вспахать к чертям все полигоны!..
А мне пять лет от роду было. Пять!
И с той поры уже не знал я детства.
Оставила отметины война,
Не обошла она меня стороной.
И раны те вовек не залечить,
И я уверен —
их лечить не надо,
Пускай болят, пускай приходят в сны,
Пускай воспоминанья кровоточат...
Ко мне
стучится
сорок первый год,
Стучится в двери, требует:
— Открой!

Стучится в двери —
открываю сердце.
Он входит...

I. ДОРОГИ

Да, было трудно привыкать к такому...
Хрипело небо бронхами моторов,
Надрывно и натужливо хрипело
На землю, зло отхаркивая смерть.
Шли беженцы, еще во что-то веря.
Слепы и велики в своем упорстве.
И у дорог могилы вырастали,
Заплаканные холмики земли.
А мимо шли солдаты,
 уходили
И к нашим лицам глаз не поднимали.

Дышали тяжело и беспокойно
И злобу свою сплевывали в грязь.
А зарева в полнеба полыхали,
А тучи все вытряхивали громы...
Нас слухи догоняли, обгоняли
И страхом расползались по сердцам.
Горела свечка в домике дощатом,
А может быть, не в домике —
 в сарае.

Но ярче полыхала малярия
В мальчишеских растерянных глазах.
Мальчишка ел устало затируху,
Смотрел на мать горящим скорбным взглядом.
Хотел он хлеба, маленький оборвыш.
Кусочек корки черной и сухой,
Которая ему упорно снится,
Такая темная, как небо на рассвете...
А рядом дядька, страшный и опухший,
Разинув рот, лил в глотку самогонку,
Сморкался громко в грязную рубаху
И плакал, не стесняясь никого.
«Эх... мать моя...

 Конец теперь России...»—

И зубы ржавые стучали о бутылку,
И бабы перепуганно крестились,
И крепче прижимали малышей.
Одна из них привстала,
 молодая,

Ребенка сунула неторопливо в тряпки,
Шагнула к пьяному
И пристально вгляделась,
И прошептала глухо: «Ну и гад...»
Потом вернулась медленно к ребенку,
Который криком изошел надсадным,
И сунула ему в кричащий ротик
С досадой

 нежный, розовый сосок.

Горела свечка в домике дощатом,
Потом рассвет горел, не унимаясь,
И под ногами чавкала привычно
Осенняя ноябрьская грязь.

Мела поземка вялою метлою
И новые могилы засыпала,
Но люди шли, оборванные, злые,
Вцепившись взглядом в черный горизонт.
А за спиною гулы затихали,
И им навстречу шли красноармейцы,
Не с ними шли,

 а шли уже
 навстречу...

Вы вдумайтесь,
 они навстречу шли!
А женщины толпились у обочин,
С нелепыми цветастыми узлами,
Но ничего они не говорили.
Им радоваться

 не хватало сил.

Они смотрели темными глазами —
Смеяться им и плакать не хотелось.
В глазах одно

 живое
 билось слово:

— Дошли!

II. БАЗАР

Местечко оказалось знаменитым
Своим базаром.
Там лудильщик хриплый
Все с матючком
 творил свое искусство...
Поклонники в отцовских картузах
С носами мокрыми,
 озябшие, как птахи,
Дивились, замирая, волшебству.
Хромой цыган с медалью «За отвагу»
В одной лишь гимнастерке запотелой,
Сверкая остро быстрыми глазами,
Совал бабенке, разбитной и хитрой,
Неимоверно белый, черствый хлеб.
— Отдай куфайку!—
И терзал ручонку
Прозрачной девочки,
 закутавшейся в грязный,
Истрепанный до бахромы платок.
— У, кровососы!—
 и плевался яро,
Давился злыми глыбами — словами,
А девочка все плакала привычно,
Уже не удивляясь ничему.
Два пьяных инвалида били третьего.
Откуда знать, чего не поделили?
Бил однорукий пьяного рукою,
А одноногий целился ногой.
Все уползти от них хотел безногий,
Войною прибинтованный к тележке,
Колесики-подшипники крутились,
Как у трамвая, что свалился с рельсов.
К ним подошел цыган с прозрачной девочкой,
Поднял безногого и крикнул:
— Кровососы! Что делаете?— И ушел в толпу
И странно,— инвалиды успокоились,
Собрались в круг. Безногий взял гармошку,
А однорукий жалостно запел.
И в грязную ушанку однорукого,
Как листья желтые,
Посыпались рубли.

О ты, базар голодный сорок первого!

Как мухи вьются люди.
И кусаются,
И огрызаются, и плачут.
Пахнет горем,
Соленой человеческой бедой.
Как угри скользкие,
вокруг снуют карманники
И пьяницы с собачьими глазами.
И новое словечко —
«вакуация»,
Как семечки,—
у теток на губах.
Мордатый жлоб и женщина с ребенком
В сторонке за сараями торгуются.
— Буханку хлеба дай!
— А ты не в теле.
Я за буханку пухленьких найду.
Беда людская, горе всенародное!..
Почем вы, слезы вдовьи, на базаре?
Почем вы, грезы вдовьи, на базаре?
Полбулки хлеба —
чтобы детям жить!
Не кинет память
камень вам вдогонку
У тех, кто шел дорогой сорок первого,
Под бомбами, без денег, без одежды...
— Сама пусть сдохну —
дети будут жить!

Теперь я знаю,
вот таких святыми
Издравле называли на Руси.
Шумит базар
и яростно торгуется.
Червонцы не в цене —
обмен натурой.
О, мама, мама, не отдай за сало
Свой оренбургский пуховой платок!
Как кровь, алеют петушки на палочках —
Тридцатка пара, лопай — не хочу.
Вот молоко мороженое,
Оладьи из очисток,
Ржаные шаньги,
А над всем над этим
Неистребимый запах требухи.

— Кровососы!
И сам закрыл безногому глаза.
...Его несли через базар к сараю,
Снимали шапки люди и крестились.
О, если б видел спившийся калека,
Как многолюдны проводы его!

Цыгана за руку поймала молодайка
И грубо закричала со слезою:
— Бери куфайку, застудил девчонку!
И ловко спрятала в овчинном лабиринте
Неимоверно белый черствый хлеб.
Лудильщик хриплый застучал железом
И зыкнул на сопливых обожателей.
— Что делают, что делают, подлюги?! —
Спросил, не обращаясь ни к кому.

Ожил базар, как змей тысячеглавый,
Голодный, злобный, вечно ненасытный.
А одноногий подобрал гармошку
Безногого. И громко заиграл.
Играл и пел, не подставляя шапку,
Забыв о ней, пел жалостную песню.
И бабы плакали светло и вдохновенно,
Как плачут бабы только на Руси.
Он пел, как будто понял что-то главное,
Как будто видел то, что мы не видели.
И в этот миг поистине прекрасным
Казалось одноногого лицо.
Он пел и пел.

С базара расходились.

Он пел и пел.

А сумерки сгущались.

И на груди
Кленовый лист багряный
Сверкал

невозмутимо,

как медаль.

III. ЖЕНЩИНЫ КОСЯТ...

А на станции Жирной
(Какая насмешка судьбы!)
Исхудавшие женщины траву косили.
Было так. По вагонам ходил человек.
По две шпалы на каждой петлице — начальник!
Речь примерно такую он в каждом вагоне держал:
— По тарелке лапши на косца,
Ребятенкам по паре яиц.
Вот и вся моя агитация...
И смотрел без улыбки,
Как женщины суетливо и нервно
Хватали не чемоданы и сумки —
Ложки и котелки.
И выходили строиться.

И женщины косили...
О, как косили командирские жены!
Как будто мстили этой желтой траве
За слезы и муки, за голод и холод,
За будущее свое вдовство.
Они били косами по этой траве так,
Будто не трава здесь росла, а беда,
У которой,
Как у сказочных Змеев-Горынычей,
Вместо одной головы вырастают две.
И они били по этим головам, били
Городские женщины, неумело,
И от этой, от их косьбы,
Наверное, ворочались в могилах
Двенадцать поколений косарей.
И все-таки они были прекрасны,
Жены командиров!
Прекрасны лютой женской красотой!
Наверное, недаром два военных
Как будто бы примерзли к косогору
И потемневших глаз не отводили
От этой вот невиданной косьбы.

И очень чисто и светло вздыхали,
И возбужденно, судорожно смеялись.
А женщины косили и косили!
Свою беду как будто бы косили!
Свою судьбу как будто бы косили,
Свою судьбину...

Жены командиров...

А может, вдовы?

Время-то идет!

Что, если в этот миг
На чьем-то счастье,
На щедром для любви и для работы,
Единственном на свете сердце
Свинцовую

война поставит

точку?

А вечером у кухоньки походной
Они кричали так,

что повар толстый

Совсем оглох. Они бренчали так
Закопченными насмерть котелками,
Что воронье спасалось в облаках.
Непримиримо повару совали
Кровавые мозоли с котелком:
— Давай скорей, там дети, понимаешь?
— Полней!
— Полней! Там дети, понимаешь?
И яростно, металлом раскаленным,
Вдруг брызнут во все стороны глаза.
И нет на свете этом силы,
Способной вдруг остановить ее.
Кричите и стыдите!— Все напрасно.
Хоть убивайте,
Раздирая губы,
Одно швырнет обугленное слово:
— Де-ее-тя-м!

И вы сдадитесь!

А она, уже забыв о вас,
О войне, мозолях,
Захлебываясь
Бессмысленной улыбкой,
Идет, прижав к груди
Закопченный котелок,
И только еще нервно подергивается щека,

И только губы иступленно повторяют,
как молитву:
— Де-е-ням! Детям!

IV. БОЛЕЗНЬ

Брат умирал.
Лежал в углу у печки
И улыбался.
 Словно отделившись
От нас, от боли
 твердою стеной.
Лежал, как маленький и высохший кузнечик.
И лапки-руки плавно шевелились,
И руки-крылья вздрагивали,
Будто
У них хватало сил, чтоб улететь.
Лежал он, просветленно улыбаясь,
И думал, что он празднует победу
Над болью и над голодом,
Над страхами
И горестями будущих дорог.

Над ним металась мать,
Как будто бабочка.
И билась в эту стену исступленно.
И тень ее по потолку металась
Стремительно и зло,
 как «мессершмитт».

...В избе нас было шестеро.
Татарин,
С глазами гнойными и красными, как раны.
Старуха, бормотавшая в углу,
Парнишка лет пятнадцати, который
К груди прижал огромный золоченый,
Невесть откуда взявшийся альбом.
Да музыкант седой с изящной скрипкой,
А рядом с ним молодка — руки в боки,
Набрякла сытостью над парюю корзин.
Молодка, между прочим, богатырская,
В плечах — косая сажень.
Да по пуду, наверное, потянут кулаки.

Шесть человек.
Шесть островков из тысяч
В безбрежном море — зареве войны.

А мать о всем забыла.
И о всех.
Вся жизнь ее сейчас —
 как через ночь,
Брела на этот крохотный огонь,
Что все еще горел в глазах ребенка.
Погаснет огонек —
 и мать угаснет,
Через мгновение, покрывшись пеплом
Холодной седины.
А брат
Открыл глаза и вдруг сказал
Отчетливо и ясно: «Мо-ло-ка».

Мать вскрикнула и встала!
Обвела всех взглядом
И пошла к молодой,
Крутя бессильно шар земной ногами.

Ждала молодка, будто бы глухая.
Два глаза, как две капли воска стыли
И становились тверже.
Мать сняла
С пальто лису:
— Вот все, что я могу...
Две капли воска стали камнями.
— Не надоть!..
И по губам порхнула шелуха.
Тогда парнишка выкрикнул:
— Зараза! Бери альбом
И отдавай бидон!

В глазах два камня стали меденеть.

Тогда старик поднялся с красной скрипкой,
Как снег, осыпав с плеч на землю перхоть,
Сказал краснея:
— Скрипку вот возьмите.
Я за нее отдал шестьсот рублей.
Медь прозвенела: «Знамо, малохольный.
Да мне б шестьсот рублей!.. Да я б... Уйди!..»

Мать плакала. К ней подошла старушка,
Мучительно за пазухой копаясь.
И вытащила, бормоча невнятно,

Изъеденный годами образок.
— Отдай ей, милая. За бога христианин
Не пожалеет кринку молока.

В глазах две капли стали, как две пули.

А брат лежал, иссушенный кузнечик.
И лапки-руки слабо шевелились.
Как шелест трав, был тихим его голос,
Упрямо повторявший: «Молока!»
Что вдруг привиделось ему в бреду горячем?
Быть может, луг, окрест звенящий косами,
Быть может, стадо, медленно и чинно
Несущее зарницы на рогах.

— Ай-яй-я-яй!— Вдруг закричал татарин
И прыгнул, будто кошка, к молодойке.—
—Ты человек? —
И глянул страшным взглядом
И выхватил из-под лохмотьев нож.
— Ты почэ-эму ребенка убиваешь?
И так смотрел,
и так смотрел он страшно,
Что холодом повеяло вокруг.

Ее глаза растаяли, как воск.
Не камни, нет! Две маленькие мышки,
Визжащие от страха, были в них.

— На вот, бери. Я что ж... ничто ж...
Чего вы все?.. Я штоль, не понимаю?..

О, люди, люди, кто вас разберет!
Все было в жизни — подлость и обман,
Предательство друзей и клевета.
Но в черный час, когда невоготу,
Я говорил себе: ведь это было:
Дороги! Голод! Сорок первый год!
Ноябрь! Изба! В ней шестеро людей!
И брат в углу у печки умирает...

Да, брат. Ты дважды все-таки рожден.
И вот за тех, за шестерых, я убежден,
Ты жить обязан

Дважды

человеком!

И женщины в военном понимали,
И каски их огромные летали
Во рву, как волейбольные мячи.
Тут Даша поднялась с протяжным стоном,
С двумя белоголовыми девчонками
И вынесла, как грозное оружие,
Перед военными огромный свой живот.
— А их куда, и вот его куда?
И женщины смотрели испуганно,
Затравленно на каски и ответа
Тревожно ждали.
— Ведь еще бомбят!
Одна со шпалами в петлицах
К ним шагнула
В огромной каске, словно одуванчик.
— А может, ваши там... Эх, бабы... бабы...
Рукой махнула, сплюнула, ушла.
За ней другие в касках побежали.
В огонь и грохот.
А во рву все та же
Немыслимая стыла тишина.

— Ишь ты, спасти,—
Шептала злобно мать,
Привязывая с братом нас веревкой
К кусту рябины — чтобы в третий раз
Мы с ним не убежали на войну.
— Вот тут документы, тут деньги...
И сунула мне сверточек за пазуху
И побежала к станции одна.
— Куда ты, Нина?— Закричала Даша
И побежала вслед за ней.
И разом
Рванулись все на станцию в огонь.
Рванулись оглушенные и злые,
Святые наши матери,
И с криком
(Увы, неистребимая привычка!)
Неслась под бомбы бурная толпа,
Обугленные, страшные, невымытые,
Нечесанные, злые, исцарапанные,
Невыносимо, яростно прекрасные
Душевной своей женской красотой.
Своим великим чувством материнства,
Которое мгновенно матерями

Их сделало для раненых в огне.
Для всей России, стонущей от горя.

Да, да, хватило материнских сил,
Чтоб обжалеть, обплакать всю Россию,
Обшить, обмыть, и сирот обласкать.
Да, рухнула б Россия, пала ниц,
Когда б не оперлась на плечи эти.

Ах, Мать-Отчизна, лишь глаза прикрою,
Ты видишься мне зримо и тревожно:
Огни, пожары
И дороги дымные,
И женщины,
и женщины окрест.

Горела станция Вапнярка.
Совсем не страшно это было.

VI. ПРОВОДЫ СОРОК ПЕРВОГО

Я никого не ждал, хоть на столе
Стояли водка и вино, и грузди,
И гусь томился теплый в казанке...
Я провожал ушедший год
Совсем один...
А новый год
Топтался терпеливо у порога.
Вдруг стук.
Я дверь открыл — и онемел.
Ко мне вошел в квартиру одноногий,
Тот самый,
В пережеванной шинели,
С двухрядкой запотелой на плече
— Откуда ты?
Ты мертвый, мертвый, мертвый!..
Он усмехнулся черными губами:
— Иной мертвец живет вас живых...

Потом вошел цыган с прозрачной девочкой,
Старик со скрипкой, женщина в военном
И командир со шпалами — начальник,
Жестянщик, однорукий, а за ними
Безногий на тележке прикатил.

За стол уселись, рюмки разобрали.
Безногий постучал о рюмку вилкой:
— Ну что ж, друзья проводим сорок первый.
Безногий поднял рюмку и сказал:
— Мальчишка, слушай...
— Что вы говорите?
Какой мальчишка? Я уже седой.
Он посмотрел досадливо И вдруг
Я понял все, а поняв, содрогнулся —
Меня он видел маленьким.
Таким,
Каким я был в то горестное время —
Голодным, в цыпках, в драном кожушке,
С губами в волдырях от малярии.

— Да, он седой, — сурово и спокойно
Безногого поправил командир. —

— Он выжил, вспоминай, и потому

К нему пришли из времени другого.
Мы все остались в нем.
А он ушел.
Пусть теперь нас слушает оттуда.

— Я помню вас. Я память сохранил.
Стихи пишу и складываю песни...
— А как же долг? Ты многим задолжал
И году сорок первому особо.
— Он выстоял!—
Вскричал старик со скрипкой,—
.— Он по колено шел в крови, наш год.
Он был истерзан, оглушен, истоптан
И вот такой, израненный вконец,
Он выстоял! Он защитил страну.
Он мертвой хваткой впился немцу в горло!
— Да, да,— сказала женщина в военном,
И каска над плечами закачалась
На тонкой шее, словно одуванчик.
— Да, вы, товарищ, правы. Сорок первый
Велик стократ. И без него
Для вас не наступил бы сорок пятый.
Мы вашей памяти — передовой дозор —
И службу исполняем образцово.
Поэтому тревожим вашу совесть —
Чтоб, если нужно, повториться в вас.
— Я понял вас! Он, долг наш, не оплачен!
Не только в мраморе хотите жить,
А в нас! В живых—
Сегодня, завтра, вечно!
Хотите быть уверенными в нас,
В нас, как в себе...

— Смотри, он повзрослел,—
Сказал безногий
И голос его грянул в тишине:
— За сорок первый!
Встали все. И сразу
Ударил о землю тишина.
И в сорок залпов
и еще в один
Вдруг грянуло болезненное сердце...

СОДЕРЖАНИЕ

I. ПАМЯТЬ

Моя родословная	3
Побратимство	5
Мамино танго	6
Пусть будет безымянной высота...	7
Опять пришла пора бессонниц	8
«Что ты делал, солдат, в наступленьи?..»	10
Наследство	10
Ровесники	11
Стих о стихе	12
«Не тронь строку»...	13
День рождения матери	14
В тундре	15
Лошадь на лесной дороге	16
Березы на Чукотке	17
По свету ходят чудаки	18
Павлин	19
Закат у Днестра	20
«У Молдовы такие глаза»...	21
Сельский пейзаж	22
Речка Бык	23
У родни в селе	23
Размышления у кромки поля	24
В Карпатах	25
На вершине	26
Гуцулочка	27
У огня	27
Парус	28
«Все меньше тех, кого люблю...»	29
«Ко мне являются во сне...»	29
Признание	30
«Мои враги... Мне дорог их покой...»	32
«Запретите продавать цветы...»	33
Пробуждение	33

II. ТЫСЯЧА СТРОК О ЛЮБВИ

Зимняя грусть в Подмосковье	34
Зима	35
В лесу	35
На лыжне	36
Светлость	37
Равновесие	38
Сердцу	38
Полет	38
Любимой	40
Молчание	41
На отлете лета	41
«Когда я замерзал в айонской тундре...»	42
Притяжение	42
«Прости за то, что любишь ты меня...»	43
В феврале	44
Летнее	45
Прощай	45
Женщина у зеркала	46
Жены художников	47
«Пусть упадут осенние дожди...»	50
Письмо	50
Ветер	51
«Даже сердце обманет...»	52
Прости	53
Ссора	54
Пристань	55
Мой сад	56
Мой остров	57
Нежность	58
У подножия Карадага	59
Зачем, скажи?..	60
Я повторяюсь	61

Малашенко Аркадий

М18 На отлете лета: Стихи /Худож. М. Т. Орлов.—
Кишинев: Лит. артистикэ, /1984.— 80 с.

В новый поэтический сборник А. Малашенко вошли стихи на
разные темы, а также поэма. «Тысяча девятьсот сорок
первый».

4702010200—211

М-86—84 » 84 Р7

М756(12)—84

Аркадий Петрович Малашенко
НА ОТЛЕТЕ ЛЕТА
Стихи

Художник Михаил Тимофеевич Орлов

Редактор Н. Сундеев Художественный редактор А.
Святченко Технический редактор Е. Розенберг Корректор А.
Витковская

ИБ № 2080

Сдано в набор 29.06.84. Подписано к печати 05.10.84. АБ
02440. Формат 75х90'/з2- Бумага офс. № 2. Гарнитура
литературная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 3,28. Уч.-изд. л.
3,77. Усл. кр.-отт. 3,44. Тираж 5000. Заказ 41462. Цена 45 коп.

Издательство «Литература артистикэ» 277004, Кишинев, пр.
Ленина, 180.

Полиграфкѣмбинат Государственного комитета Молдавской
ССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли
г. Кишинев, ул. Берзарина, 35.

ПУСТЬ БУДЕТ БЕЗЫМЯННОЙ ВЫСОТА...

Ты не спеши, горнист, будить мой взвод,
Пусть будет безымянной высота.
Кто скажет мне: придет минута та,
Когда комбат, святая простота,
Ее Мальчишьей сопкой наречет?

Еще гуляет — волосы о плеч —
Мой взвод, который подниму на штурм.
Удастся ли их в схватке убересть
И увести от взглядов амбразур?

А если не удастся, то смогу ль
Их повести на гибельный свинец?
Иль захлебнусь я пулей на бегу,
Чтобы они поднялись наконец!

Спит шар земной, как спят перед грозой,
Боясь не только грома — тишины.
И взвод мой видит молодые сны,
В которых нет войны, как таковой.

Так не спеши ж, горнист, будить мой взвод,
Пусть будет безымянной высота,
Пусть не наступит и минута та,
Когда комбат, святая простота,
Ее Мальчишьей сопкой наречет.

ОПЯТЬ ПРИШЛА ПОРА БЕССОННИЦ

Опять пришла пора бессонниц,
Мне неподвластна и врачам.
И тяжкий топот красных конниц
Я снова слышу по ночам.
Тревожат ветры с Перекопа,
Костры холодные горят
И мимо окон, мимо окон
В атаку конники летят.

Я в стороне от смертной драки,
И лавы, саблями звеня,
Идут в последнюю атаку,
Идут и смотрят на меня,
И я сквозь годы в эти громы
К отрядам этим, в эту рать
Спешу неистово на помощь,
Чтоб в этот раз не опоздать.

Дымится мир железом серым,
Стучат все громче сапоги
И через сердце, через сердце
Ползут на Родину враги:
Ползут и ранят... А на танки,
Гранаты намертво обняв,
Идут отцы, идут в атаку,
Идут и смотрят на меня.
Шинели... Серые ушанки...
Последний взрыв погас в глазах...
Я с каждым полз навстречу танку
И всякий раз не доползал,
Но верьте мне: на поле брани
Я был все время среди вас;
И погибал, и умирал я
Все двадцать миллионов раз!

Как зло черно и непреклонно!
И снова горизонт в пыли,
И кровь сочится на знамена
Из ран измученной земли.
Весна вплетает в косы ленты,
А под прицелом палачей
Стоит, как памятник, Альенде,

Как совесть Родины своей.
И прямо в сердце бьют снаряды
И, как всегда, среди огня
Идут бойцы на баррикады,
Идут и смотрят на меня!

Со дна морей и из окопов
Я ощущаю этот взгляд.
И ветры, ветры с Перекопа
С размаху в грудь мою стучат.
Неужто, сердце, ты устало?
Неужто вправду не смогу,
Чтоб слово пулей, сталью стало
И сразу в бой! И по врагу!
Смотри! Ползут громадой серой
На чью-то явь, на чью-то жизнь.
Останови же их, о сердце,
Или само остановись!
Стучат морзянкой в сердце строки
И улетают в листопад...
А мимо окон, мимо окон
В атаку конники летят.

* * *

— Что ты делал, солдат, в наступленьи?
— Я копал в наступленьи землю.
— Что ты делал, солдат, в отступленьи?
— Я копал в отступленьи землю.
— А о чем мечтал, солдат, ты в сраженьях?
— Чтоб пахать ее, пахать эту землю

НАСЛЕДСТВО

Отец мой дач себе и нам не ставил.
С пяток осколков вынес из боев.
В наследство сыну своему оставил
Лишь только имя честное свое.
Не всякому такое достается
Богатство, что транжирить — смертный грех.
Не бьется, не ломается,
но жжется!
Жжет за себя и мучает за всех.

Я этого наследства не растрочу,
До правды непременно достучусь.
За все, что не доплакал ты — доплачу,
За что не доплатил — я доплачу.
Неистов был ты в спорах и суждениях,
И ошибался, падал — жил бегом.
Но десять орденов — как искупление
Твоих ошибок и твоих грехов.

Поверь и мне — я не марался ложью,
Не прятался от боли. И молю
Судьбу, чтоб брать на сердце сколько можно,
Еще чуть-чуть — и ноги подломлю.
На доброту людскую — память долгая,
На собственную — память коротка.
Случалось, просверкнув фальшивым золотом,
Звездой падучей брызгала строка

И был ведь, было неправым и жестоким,
Порой — слепой, порой к беде глухой.
Но как бы жил я в боли и тревоге,
Когда б не ведал—

в муках зреют строки, Что станут отпущением
грехов!

РОВЕСНИКИ

Поздненько, друзья, коль за сорок,
Усталое сердце беречь.
Приходит тот возраст, в котором
Прощаний побольше, чем встреч.

Ах, где вы, закатов пожары,
Перроны, оркестров кураж...
Сейчас мы друзей провожаем
Все чаще под траурный марш.

Мы брали заботы любые
На плечи и в гору несли.
И наши года молодые
Над степью пшеницей взошли.

Приходит спокойная зрелость,
Чеканя строку — не согнуть.
Нам тоже чуть-чуть не успелось
И не допелось чуть-чуть.

Не верьте в спокойствие наше,
Не верьте в наш теплый уют.
Мы ждем, что вот-вот нам прикажут,
Мы ждем, что вот-вот позовут.

Но тихо снега упадают
И кони копытом не бьют,
И сердце сгорает, сгорает
На пламени этих минут.

Не верьте вы в это затишье
И в эту щемящую боль.
Ведь сердце все ищет, все ищет
Разящую насмерть любовь.

Не нам обозначены сроки,
Не наши плетни у межи.
И где-то в нездешьи далеком
Найдутся те самые строки,
Которые ищем всю жизнь.

СТИХ О СТИХЕ

Мой стих, что делать?
Слов ушли полки.
Прощальный образ в дымке исчезает.
Я из последней из твоей строки
Не выхожу —
 кроваво выползаю.
Опустошен, раздавлен и разбит
Не знаю, стих, что создал я в страдании.
Прости, твоей не ведаю судьбы,
Куда пойдешь ты —
В жизнь иль в осмеянье.

Все может быть — и звезды, и... капкан,
И некто с оттопыренной губою
В тебя залезет, словно в свой карман,
Распнет, глумиться будет над тобою.
Коль ты живой — страдай;
Не мы одни.
Терпи, мой стих, коль силы позволяют.
Твоей он не постигнет глубины,
Хоть якорь в зубы —
 и сто раз ныряет.

Ты — есть! Ты — мой!
И ты во мне болишь.
Ты — плоть моя, тебе я слепо внемлю

Зажжешь людей ты
 или сам сгоришь —
Я твой конец,
 как свой,
 всегда приемлю.

О, стих мой,
Пусто, холодно в груди.
Все отдано тебе самой судьбою.
Что ж, ставлю точку.
Бог с тобой, иди,
И да пребудет счастье над тобою

* * *

Не тронь строку.
Она обнажена.
Она открыта и болит, как рана.
Не тронь ее, прошу, не славы ради,
Не злата для.
Она обнажена!
Она болит во мне,
Как перед бурей.
Она грядет, она, наверно, будет,
Она ведь знает,
Как она нужна!
Не тронь строку —
Она обнажена...
Она открыта
И болит, как рана.
Не тронь ее, прошу, ты, бога ради!
Пусть дострадает
И взойдет сама.

Не тронь строку.
Я знаю наперед:
Без боли, как без воздуха,
Умрет

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ МАТЕРИ

Отведано, отпробовано много.
Ну где ты, мама, рядом посиди,
Прислушиваясь к издавным тревогам,
Навеки поселившимся в груди.
И праздники вам, матери, как будни.
Прошу вас — посидите хоть бы час.
Вы даже в смерть уходите, как будто
На пять минут из кухни отлучась.

Оставь на время вечные волнения,—
Страдать за нас, на помощь к н*ам спешить.
Ты не усадишь всех нас на колени,
Чтобы, как прежде, от обид укрыть,
А нас порою тяготит участие,
И не всегда умеем мы понять:
Весь год живет мать ожиданьем счастья —
Еще разок всех нас к себе собрать.

А мы тебе — цветы — и вновь умчались,
Хоть знаем все. И я на том стою,
Что жизнь свою по капельке отдали б
За каждую слезиночку твою!
Да, да, отдали б, если б попросила.
Но содрогнемся мы, когда поймем,
Что чаще нам придется у могилы
Встречаться, чем за праздничным столом.

И мы клянемся, совести в угоду,
Бывать почаще, хоть три раза в год...
Так часто мы от матери уходим.
Она от нас один лишь раз уйдет!
Один лишь раз...
А нас сто раз просила.
Один лишь раз она от нас уйдет!..
— Прости нас, мама.
— Я вас всех простила
До самой вашей смерти наперед.

К чему кривить душой, когда мы знаем
Мать — это мать.
Она за все простит.
Но то тепло, что мы ей не отдали,

Каким огнем нам души опалит!
И мы ей счастья вечного желали
И вечной жизни. Истово, всерьез.
И полные бокалы поднимали
Своих больших
еще грядущих слез!

В ТУНДРЕ

Беги, дурак-зайчишка,
Я не трону,
Беги,
Я сам невесть куда бегу...
Сжимает тундра заячьи тропы
В один кулак на дальнем берегу.

Ах, тишина!
Ну, как тебя по отчеству,
Уйди, коль надо будет — позову!
Здесь в точности такое одиночество,
Как в городе,
в котором я живу.
И иступленно чьей-то дружбы хочется,
Плеча надежного,
и преданных ребят...
Так трудно не поверить
в одиночество,
Когда оно поверило в тебя,
Когда оно туманами пропитано,
Когда дохнуло инеем с полей
И голубем бумажным
перечитанным
Протяжно стонет
В письменном столе.

И вдруг заметишь,
Что уже не молод,
Что дым костров садится на виски...
Ужели, сердце, ты уже не сможешь
Поднять в атаку
слов моих полки?
Чтобы, как взрыв —
неистово и люто,
Отчаянно,
сжигая все мосты,
Рвануться в жизнь
Раскованно и круто,
Как луч травы,
раскалывая льды!

ЛОШАДЬ НА ЛЕСНОЙ ДОРОГЕ

«Ну трогай, Саврасушка, трогай...»

Н. Некрасов

Что же такое, ей-богу,
Может, глаза мои врут?
По тихой лесной дороге
Сани по снегу плывут.

Милый Савраска, откуда?
В век телекинопальбы
Видеть тебя — это чудо,
Это подарок судьбы.

Видеть внезапно, моментно:
Катится по лесу воз,
Лошадь скользит монументно
В белое пламя берез.

Что ж ты спокойно так дышишь,
Наледь копытом долбя?
В Красную книгу запишут
Скоро, бедняга, тебя

Стал, выгнул девичью спину.
Стать до чего хороша!
Сила одна — лошадиная
И человечесья душа.

Жаль, ты, Савраска, не вечен.
Знать бы в холодный наш век:
Дружбу твою человечесью
Заслужит ли вновь человек?

Скорбная времени веха.
Тронуло сердце до слез
Чудо двадцатого века —
Лошадь средь белых берез.

БЕРЕЗЫ НА ЧУКОТКЕ

Завьюжье, запуржье, заснежье...
Собаки скулят от тоски.
Вылизывают побережье
Весенней пурги языки.

Два дня и две ночи — в незнаю,
Полсотни часов — в никуда.
Осипла от злобного лая,
Устав, ледяная беда.

Торосы, торосы, торосы,
Пронзительный ветер-бредун...
Вдруг будто споткнулся — березы
Увидел я в этом аду.

Стояли они обнаженно,
Друг дружке в затылки дыша.
Взглянул — и стозвучно, стозвонно,
Вселенски запела душа.

Сосульками звякнули слезы —
И ветер мгновенно затих.
Березы, березы, березы,
Вы нежные сестры мои.

Святая была, человечья
Их чистая нагота.
Какая ж она тогда вечная,
Та вечная мерзлота?!

Коль этот десяток сестренок,
Открытых ветрам на расстрел,
Мгновенно и озаренно
Замерзшее сердце согрел!

И если душой занедужу —
Хандре и болезни назло
Из вечных мерзлот и завьюжья
Прорвется ко мне их тепло.

И высохнут белые слезы,
Хоть ветер еще не затих.

И будут мне сниться березы,
Далекие сестры мои.

ПО СВЕТУ ХОДЯТ ЧУДАКИ

По свету ходят чудаки,
Котят бездомных подбирают,
Птенцов озябших согревают,
За пазухой домой таскают
И кормят крошками с руки.
По свету ходят чудаки...

Они начальству надоели,
От них не спрячешься в постели.
Ни на курорте, ни в больнице —
Повсюду их чудные лица,
Повсюду их чудные просьбы
О всех и вся. Им надо, чтобы

Не вырубали зря деревьев,
Не омрачали новосельев,
Не загрязняли чтобы речек,
А на балконах чтоб — скворечни,
А на задворках чтоб — качели...
Уже их терпят еле-еле!

Часами держат их в приемных,
Ночами дома пилят жены,
Друзья над ними насмеваются,
А помощь надо — обращаются.
У чудаков причуды разные —
Зато на помощь безотказные.
И чудаки для всех стараются
И доброты своей стесняются.

А жизнь стремительно летит
И кренился на поворотах.
И лишь в глазах мелькают годы
И каждый
миг
во мне болит.
Ужель среди серой суеты,
Среди речей громоподобности,
Среди удобностей, условностей
Я не верну себе способности
Своей
Стесняться доброты?

ПАВЛИН

Грусти, павлин, на горестном посту,
Забейся в лес бесчувственный и голый.
Какой злодей в такую красоту
Вложил столь черствый и скрипучий голос?

Кто надругался так над красотой.
Порушив все гармонии законы?
Какой колдун недрогнувшей рукой
Златое горло заменил суконным?

Царевна птица, гордая мечта,
Что делать, если изумрудный слиток
Разинет рот — и меркнет красота —
Как будто где-то скрипнула калитка.

Но знай, павлин, что в пасмурных степях,
Шепнул мне ветер истину такую: .
Родился где-то мальчик, что тебя
Придет и непременно расколдует!

ЗАКАТ У ДНЕСТРА

Восхождение? Нет, воссияние!
И луну потянуло в бега...
Что я делаю здесь, россиянин,
Сорок лет на твоих берегах?

Почто, Днестр, меня вывел к закату?
Почто стал ты моею судьбой?
Погоди — вечно мчишься куда-то,
Посидим, потолкуем с тобой.

Здесь летели года, как- тачанки,
В смехе, счастье, ненастьи, крови.
Здесь меня увела молдаванка
В невозвратные дали любви.

Молдаванка с шальными глазами
Синева новгородских озер,
С белогривыми волосами,
Как льняной ярославский ковер.

Оглянись — как бескрайно, безмерно
Разливается поле вдали,
Как натянуты туго шпалеры,
Словно струны, на арфе Земли.

Словно тучи, плывут расстоянья
И до вечности — два шага...
Что я делаю здесь, россиянин.
На высоких твоих берегах?

Я тебя никогда не обижу,
Нет на свете милее земли...
Только что ж я замру, когда вижу,
Как на север летят журавли?..

* * *

У Молдовы такие глаза —
Не могу в них никак наглядеться.
В них я вижу далекое детство —
Золотые мои паруса.

Золотые мои стремяна.
Серебристые, звонкие кони,
Унесите меня от погони
Моей памяти в те времена,

Где у тихой днестровской воды
Напевал пионерские песни.
Ну а если не сможете, если
Не под силу такие труды —

Отнесите меня, рысаки,
В разливные буджакские степи,
Где, истребовав верность до смерти,
Обжигала ты губы мои.

Как просить вороного коня
Унести в голубые Сороки,
Где поэзии первые строки
Полонили навеки меня.

Гей вы, кони, летите стрелой
Над моею недоброй усталостью.
Над моей недалекою старостью,
Над морозной моей сединой.

Пусть на грудь на мою упадут
Твои тихие, мягкие травы,
Успокоят песней дубравы
И под руки спать уведут.

И отступит тогда гроза.
Луч улыбки раздвинет ненастье,
И заплещется тихое счастье
В соловьиных твоих глазах.

СЕЛЬСКИЙ ПЕЙЗАЖ

Откуда эта беспространность
На малахитовом лугу,
Куда в лохмотьях, будто странники,
Туманы серые бредут?

Куда девались запах мяты
И хороводы на стерне
У этой речки безымянной
С козой, привязанной к луне?

Откуда эта бесприютность
Холма с морщинистым челом?
И отрешенная беспутность
Гармошки пьяной за селом?

Висит на звездах паутина
И, тяжелея ото сна,
Бока свои в стогах перинных
Отлеживает тишина.

РЕЧКА БЫК

А из детства, из сказок сердечных
Про Иванушек и купчих
Катит Бык, неприметная речка,
В зиму темные воды свои.

Катит волны свои с пескарями,
Голубыми от сточных вод.
Ах ты, Бык, ах бычок кучерявый,
Ничего-то тебя не берет.

В раздалекие — дальние страны
Мы с тобой уплывали в судьбу.
Поседели твои капитаны
От великих житейских бурь.

Криво взбрыкивая коленками
В край бежит заповедный свой,
Где усталые зореньки бледные
Отпят его чистотой.

...Уплывает в зиму, уплывает,
Исчезает в нездешном краю.
И все дальше с собой угоняет
Парусиную юность мою.

У РОДНИ В СЕЛЕ

_ Хвачу четвертинку с дороги,
Сальцом с чесноком закушу,
Как будто с трибуны — с порога
О том и о сем посужу.

С почтением к гостю столичному
(Читал твой, однако, стишок)
Приступит старик архаичный
К распросам о сфере большой.

И я расскажу с пьедестала
О парках Москвы, о мостах,
О том, что у стран капитала
Кишка уже нынче не та.

Потом повздыхаю устало
(Дела государства блюду),
С порога, как с пьедестала,
В их круг самолично сойду.

— Ну как, дед, люты, мол, кореня?
А был самосадик злой...
И несколько рук с почтеньем
Протянут кисеты с махрой.

А ночью поймешь в смятеньи,
Что надо бы все не так,
Что давит их восхищенье,
Как узкий в плечах пиджак.

Но сутки пройдут и забуду
Про свой неуместный парад.
И тихо завидовать буду
Бесхитростным песням девчат.

РАЗМЫШЛЕНИЯ У КРОМКИ ПОЛЯ

Не заболей спокойствием полей,
Душа моя, парящая в зените.
Вон два колодца, словно две зенитки,
Тебя поймали в прорезь тополей.

Ты заболей премудростью полей.
Они ведут беседу с летом скорым,
И аргументы их в безмолвном споре
Чем ближе к осени — весомей, тяжелей.

Болей, душа, ты добротой полей.
Не ощетинься жесткостью покосов.
В ответ на зло, на раны, что наносим,
Они дают нам жизнь. И жизнь детей.

Страдай, душа, страданьями полей.
И в знойный час,
в час раскаленный, страдный
Хотя б мгновенной влагою прохладной
Себя на них до капельки излей.

В КАРПАТАХ

И каяться не хочется, а надо —
Как не любить такую красоту!
Стекает с гор полночная прохлада,
Качая свет фонарный на мосту.

И каяться не хочется, а надо —
Как не понять такую красоту!
Когда прольет шемящую отраду
Горюн-сизарь, сгорая на лету.

И каяться не хочется, а надо —
Как жизнь прожил без этой красоты!
Без этой серебристой серенады,
Что выплеснула полночь на кусты.

Ах, каюсь, горько, всеголосно каюсь,
Пронзительность осмысля бытия,
И робкие колена преклоняю
Перед бессмертной песней соловья.

НА ВЕРШИНЕ

А было тихо и светло
Над бесконечностью деревьев.
И сны — не сны, а словно двери
В бездонно синее стекло.

И в прямом мареве вдали
Покорно плавилась Карпаты,
Закабаленно и горбато
Куда-то тень свою несли.

Вот так и я несу свой крест
По дальним далям ожиданья.
И горы, как предначертанья,
Как обещание чудес.

Но мчатся вниз лавины слов,
А я их метил на вершины.
И строки мечутся в теснине,
Никак не встанут на крыло.
Бредут седых вершин стада,

Как к водопоям — к водопадам.
И тихо падают Карпаты
В зеленый сумрак. В никуда.

И мне они поход трубят,
И мне давно за ними надо
Идти вперед, идти и падать
В слепые пропасти. В себя.

ГУЦУЛОЧКА

Снова эта музыка звучит,
Повторись в динамиках стократно.
Будто лес в сто голосов кричит
Про свою гуцулочку в Карпатах.

Сон ушел и бродит средь аллея,
Между елок синих и горбатых.
Там, где никогда не встречусь с ней,
С той, о ком поют сейчас Карпаты.

Девочка, гуцулочка, звезда,
Может, где-то встретишь мою юность,
Ты скажи ей, чтоб она вернулась
И со мной осталась навсегда.

Чей-то юный смех порхнул в кустах,
И умчался по верхушкам леса.
И погасла в сером небе песня,
Как моя нелепая мечта.

У ОГНЯ

Присядь к огню и гостем будь,
С дороги, путник, отобедай.
Бери вино, ухи отведай
И погадай свою судьбу.

По алым шорохам костра,
По пенью звезд, по водке в кружке,
По ворожке слепой кукушки,
Гадай, колдуй хоть до утра!

А лучше погляди в огонь.
Он мудр и вещ, как мирозданье.
В нем очищенье от страданья —
И ты тогда поймешь его.

Пускай рассвет еще поспит
За дальней — дальнею горою,
А может, ближе, здесь со мною —
В зрачке у филина горит.

Я возрождаюсь у огня
И, возрождаясь, ощущаю,
Как упадают, упадают
Обиды тяжкие с меня.

И где-то на пороге дня
Приходит истина простая...
И боль, как бабочка ночная,
Сгорает в пламени огня.

ПАРУС

В. Кузнецову

Все здесь грустно и светло, как прежде,
И увидишь, глянув на восток,—
Белый парус, островок надежды,
Распустился в море, как цветок.

Добрые и грустные яхтсмены,
Снова устремляясь в вечный бег,
Не гадайте вы по белой пене
О своей несбывшейся судьбе.

Волны гаснут, словно гаснут строки,
И я вижу — лишь сомкну глаза —
В одиночество уходят одинокие,
Боль свою подняв, как паруса.

Бьют навывлет их ветра жестокие,
Но я знаю: там, в соленой мгле,
Ищут в море, ищут одинокие
То, что потеряли на земле.

Словно льдинка, тает солнце летнее,
Как сосулька падает за мол.
Лишь белеет парус, как последнее,
В никуда летящее письмо.

Памяти П.Ширяева

Все меньше тех, кого люблю,
Все больше тех, о ком скорблю —
Жесток судьбы суровый список,
Без исключений, без дописок,
Без лжи, которой не терплю.

Миг каждый — бой, бой каждый — миг,
Сердца — заплатата на заплате.
И в горле комом терпкий стих —
Не продохнуть и не заплакать...

Все меньше тех, кого люблю...

* * *

Ко мне являются во сне
Мой отчий край, давно забытый,
Мой отчий дом, давно забытый,
Что окна выплакал по мне.

Ко мне являются во сне
Такие светлые березы,
Что через годы, через грозы
Дорогу освещают мне.

За дальней-дальнею судьбой —
Мой милый край, уснувший в жите,
Меня приговорил он к жизни,
К любви тяжелой и слепой.

И от тревог, и от дорог
Меня изрядно укачало,
Но где конец, а где начало,
Я никогда понять не мог.

И где заветное крыльцо,
С которого еще не поздно
Мне в тишину упасть лицом
И пить ее вздохом, как воздух.

И неторопко прочитав
Лугов зеленые страницы,
И пасть росинкою с ресницы
У той, что научилась ждать.

Ко мне являются во сне
Мой отчий край, давно забытый,
Мой отчий дом, давно забытый,
Что слезы выплакал по мне.

ПРИЗНАНИЕ

Ну что ж, старею — просто все и люто.
Суровый факт в изменчивой судьбе...
Все меньше снисходительности к людям,
Все больше, разумеется, к себе.
Застолья буйные познал
И одиночество,
Добро и зло, и бесконечность дня.
И девушки знакомые по отчеству
Давно уже приветствуют меня.

Все меньше попадаю в происшествия,
В почетных членах числюсь кое-где,
Раз в месяц теле-кинопутешествия
Я совершаю, лежа на тахте.
На совещанье, — чтоб без опоздания,
На семинар — в авто, и на конгресс.
И в парк бегу, увы, не на свидание,
А только, чтобы сбросить лишний вес.

За мною тенью стелется усталость
И дни бегут, - сливаясь в жизни нить.
Считаю больше — сколько их осталось,
Чем думаю, а как мне их прожить?

Душа томится по уютной пристани,
А вот пристать к той пристани боюсь.
Все больше я служу высокой истине,
Все меньше я за истину борюсь.
Подспудности своей боюсь, подсудности,
А ну как совесть круто кинет клич?
Достиг всего, о чем мечталось в юности,
А как мне снова юности достичь?

Сменить уют на дымные яранги,
На бешеный, вразряд слепящий бег.
И счастье сонное — на яростную радость
Великих потрясений и побед.

Так что же делать? Что сейчас мне делать?
Как быть мне с этой лютой маятой?
Мгновенья, что остановить хотелось,
Остались там, в той юности крутой.

...У командира времени в обрез.
Прогрет мотор. На вас, друзья, надежда —
Чуть-чуть попридержите этот рейс!
Я быстренько...
Я налегке...
Как прежде.

* * *

Мои враги... Мне дорог их покой,
Но сохранить его я не умею.
Мои враги... Они идут за мной,
Дряхлея потихоньку и старея.
Следят упорно, сколько ем и пью,
Во сколько спать ложусь,
И сплю вообще ли?
И иногда серьезно я боюсь:
А вдруг помру — они осиротеют.

Они со мною шли в пургу и грязь,
Они со мной пускались
В море странствий.
Я сжился с ними, искренне дивясь
Их цепкому, слепому постоянству.
Пребуду откровенен до конца:
Они меня бодрили пуще стужи
И если б
рядом
глаз их
не мерцал —
То жил бы я
Стократ серей и хуже.
Брожу ль вдоль улиц, выйду ль за порог
Снисходит на меня успокоенье,
Когда в ночи
их вечное перо
Скрипит о всех моих грехопаденьях.

Вопроса нет —
им быть или не быть.
Себя я тешу истиной иною:
Таких врагов не просто заслужить —
А значит, я еще чего-то стою!

* * *

Запретите продавать цветы.
Красота — она всечеловечна.
Как любовь и горе — она вечна,
Разве есть цена у красоты?

Кто позволил или приказал
Продавать цветы, как лук, как рыбу,
' Кто позволил их тащить на рынок,
Как рабов, друг с другом повязав?

Пусть они цветут в земной тиши...
Вы берите просто их, берите.
А платить хотите — заплатите
Красотою собственной души.

ПРОБУЖДЕНИЕ

Подниму через силу веки,
Пробужусь на лесной меже,
Чтоб увидеть, как тянет ветви
Май к моей обнаженной душе.

Гладят щеки ладони-листья,
Пробуждения миг сторожа.
И готовится к песне птица,
Над судьбою моей ворожа.

Внемли, внемли: я не растрочу
Твоего волховства, соловей.
И не знаю, что будет, но плачу
От предчувствия песни твоей.